

ШАРИАТ ПО-СОВЕТСКИ: УШИР-ЗАКЯТ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ АДЫГЕИ)

НЕФЛЯШЕВА

Наима Аминовна,

канд. ист. наук, доц., ст. науч.
сотр. Центра цивилизационных
и региональных исследований,
Институт Африки РАН
(123001, Россия, г. Москва,
ул. Спиридоновка, д. 30/1).
E-mail: innef@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается практика передачи ушир-закята крестьянским комитетам общественной взаимопомощи (ККОВам) в Адыгее (Адыгейской автономной области) в первой половине 1920-х гг. Эта новая советская практика анализируется в контексте становления государственной системы социальной взаимопомощи, а также изменения социального статуса служителей мусульманского культа в 1920-е гг. Выделяются причины непопулярности комитетов крестьянской общественной взаимопомощи у адыгов, а также причины неприятия новой практики со стороны мусульманского духовенства.

Ключевые слова: ислам, Северный Кавказ, революция, Адыгея, шариат, ушир-закят.

УДК 94(47)+282
DOI 10.22311/2074-1529-2018-14-1-71-90

Данная статья посвящена рассмотрению большевистской практики передачи функций сбора закята крестьянским комитетам общественной взаимопомощи (ККОВам) в Адыгее (Адыгейской автономной области) в 1920-е гг. Этот вопрос впервые становится темой самостоятельного научного исследования, хотя о такой практике упоминалось в работах советских ученых, посвященных партийному, советскому и культурному строительству в Адыгее, а также в работах этнографического характера о динамике традиций взаимопомощи на Северном Кавказе¹.

Практика изъятия у духовенства функций сбора и распределения одного из шариатских налогов — ушир-закята, с последующей передачей их комитетам крестьянской общественной взаимопомощи имела место

¹ Кубов Ч. Ч. Исторический опыт партийного строительства в национальных автономиях Северного Кавказа в переходный период к социализму (1920 — июнь 1941 г.). Майкоп: Краснодар. кн. изд-во, Адыг. отд-ние, 1990; Мекулов Д. Х. Советы Адыгеи в социалистическом строительстве, 1922–1937 гг. Майкоп: Краснодар. кн. изд-во: Адыг. отд-ние, 1989; Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа, вторая половина XIX — XX в. М.: Наука, 1983, и др.

в 1920-е гг. в разных вариациях на всем Северном Кавказе. Данное новшество укладывается в общую для 1920-х гг. тенденцию инструментального использования духовенства и традиций ислама (в данном случае — традиций взаимопомощи) в период, когда в идеологии большевиков преобладало комплиментарное отношение к мусульманам, которые рассматривались как союзники в реализации идеи ключевого значения Востока для мировой революции.

На примере трансформации ушир-закята видно, как сужалась, ограничивалась, регламентировалась сфера компетенций духовных лиц, как укоренившаяся традиция взаимопомощи вводилась в жесткие рамки государственного контроля и как выстраивались новые социальные взаимосвязи внутри черкесского социума благодаря этой практике.

Закят — ежегодный налог в пользу нуждающихся мусульман¹. Его платили только взрослые дееспособные мусульмане с посевов, виноградников и финиковых пальм, скота, золота и серебра, товаров. Сбор закята с продуктов земледелия (ушр/ушир) в размере 1/10 урожая производился сразу же по завершении его сбора, а с остального — в размере 1/40 — по истечении календарного года. Согласно другой трактовке ушр определяется как десятая, предписанный Кораном «налог в размере одной десятой части с продуктов земледелия, который платят только мусульмане. Обычно ушр дается с урожая зерновых и фруктов»².

Для состоятельных мусульман шариатские сборы являлись способом «обеления» своего богатства, для неимущих были возможностью регулярно получать финансовую или натуральную помощь. В период сбора ушир-закята сельские эфенди (эфенди — местное название мулл у западных черкесов), на которых возлагались обязанности по его сбору и распределению, становились особо значимыми фигурами. При отсутствии в Адыгее института вакфов для эфенди эти отчисления имели определяющее значение.

Выплата закята как обязанность, «столп ислама», пришедшая к адыгам (черкесам) с религией Мухаммада, в повседневной практике органично сосуществовала с развитыми, обусловленными адатами, традициями взаимопомощи.

У черкесов идеи взаимопомощи получили обоснование в черкесской этике в качестве одного из ее базовых принципов; в практике же черкесской соционормативной культуры были регламентированы как на уровне действий, так и на уровне вербальных формул³. Этнограф Б. Бгажноков справедливо заключает, что «традиции, так или иначе связанные с идеей благотворения и спасения, поддерживают

¹ Ислам: энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 74.

² Али-заде А. Ушр // Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. С. 222.

³ Бгажноков Б. Х. Адыгская этика. Нальчик: Эль-фа, 1999.

в адыгском обществе этически выверенное социальное и психологическое равновесие, сокращают дистанцию между благополучием и неблагополучием»¹.

Не случайно первые руководители Адыгейского обкома ВКП(б), присланные в начале 1920-х гг. на Кавказ из других регионов и имеющие смутное представление о традиционном черкесском социуме, были удивлены тому, что в черкесском ауле практически отсутствует беднота и нет «элемента, на который можно было бы опереться»². В своих выступлениях они подчеркивали: «Опирайтесь на классовое расслоение мы не можем»³. «У нас нет классового расслоения, а есть возрастное», — говорил в своем выступлении на Областном пленуме Адыгейского обкома ВКП(б) в марте 1923 г. заведующий орготделом и заместитель секретаря Оргбюро ВКП(б) Филиппов, размышляя о способах вовлечения адыгов в советское строительство⁴. К. Я. Голодович, ответственный секретарь Оргбюро Адыгейского обкома партии, отчитываясь о полугодовой работе на пленуме, отметил: «Черкесская беднота... тот элемент, который в силу шариатского устава знает, что так или иначе будет накормлен, этот элемент не стремится работать, не стремится к производству»⁵.

Выплата ушир-закята и его последующее распределение среди нуждающихся при помощи духовенства с самого начала 1920-х гг. квалифицировались советскими и партийными руководителями как «трудноподдающийся культурному сдвигу религиозный предрассудок»⁶.

На ушир-закят как на внебюджетный источник финансирования школьного строительства власти Адыгеи впервые обратили внимание еще в период создания Горского исполкома⁷ и определения его первоочередных задач, одной из которых было создание системы школьного образования⁸. Отдел народного образования Горского исполкома во главе с С. Сиюховым пробовал использовать ушир-закят для содержания школ⁹, однако вскоре стали очевидными «непостоянство и ненадежность этого источника»¹⁰.

В течение первых 10 лет советских преобразований на Северном Кавказе выплата и распределение ушир-закята считались прерогативой системы социального обеспечения, частью которой являлись ККОВы.

¹ Бгажноков Б. Х. Адыгская этика. С. 27.

² ХДНИ НАРА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 29. Л. 74 об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 95 об.

⁵ Там же. Л. 74 об.

⁶ ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 88. Л. 357–357 об.

⁷ Горский исполком — один из первых органов советской власти по управлению горцами, созданный на втором съезде трудящихся горцев в 1921 г.

⁸ ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 88. Л. 357–357 об.

⁹ Там же. Д. 10. Л. 50.

¹⁰ Там же. Л. 51.

Первые советские государственные органы социальной защиты были созданы в 1917 г. — 29 октября был организован Народный комиссариат государственного призрения, позже, в апреле 1918 г., он был переименован в Народный комиссариат социального обеспечения. Структура и сфера компетенций Комиссариата менялись несколько раз — в 1919 г. он был объединен с Народным комиссариатом труда, новый комиссариат стал называться Наркомат труда и соцобеспечения, а затем выделен из него со старым названием.

Новая экономическая политика, переход от продразверстки к продналогу привели к реформированию и корректировке выстраиваемой системы социальной защиты. В отличие от «принудительной взаимопомощи» периода «военного коммунизма» предлагался новый путь к социализму — через госкапитализм при сохранении политического доминирования пролетариата, но с экономическими мерами в деревне, развивающими активность крестьян. Организация крестьянской взаимопомощи «осуществлялась в рамках антикризисных мероприятий, стала составной частью нэповского реформизма в послевоенной советской России»¹. Предполагалось, что средства крепких хозяйств будут перераспределяться в пользу сельской бедноты.

Декрет Совнаркома 14 мая 1921 г. «Об улучшении постановки дела социального обеспечения рабочих, крестьян и семейств красноармейцев»² стал одним из первых документов советской власти, определяющих принципы социальной защиты, и был направлен на активизацию крестьян «в целях развития их самодеятельности и инициативы». Декрет предписывал «организовать в каждом селении и волости взаимопомощь самого крестьянства». Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи организовывались при сельских советах и волисполкомах. Они должны были оказывать материальную, финансовую и трудовую помощь выделенным в декрете категориям граждан при неурожаях, социальных и стихийных бедствиях, а также осуществлять правовую поддержку, следить за предоставлением льгот, определенных советским законодательством для инвалидов, вдов и сирот.

Фонды ККОВов формировались за счет внутреннего самообложения, из государственных субсидий, передачи конфискованного по суду и бесхозяйного имущества, определенных отчислений из собранного продналога, а также сбора пожертвований. Однако помощь не являлась гарантированной и обязательной, а ее размеры зависели от конкретного ККОВа, его материальных возможностей и позиции его

¹ Григорьев В. С. Организация общественной взаимопомощи российского крестьянства, 1921–1941 гг.: дисс ... докт. ист. наук. М., 1997. С. 25.

² Декрет Совнаркома 14 мая 1921 г. «Об улучшении постановки дела социального обеспечения рабочих, крестьян и семейств красноармейцев». [Электронный ресурс] // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_942.htm (дата обращения: 19.02.2018).

руководителей. В дополнение к декрету Народным комиссариатом социального обеспечения была издана «Инструкция Крестьянским комитетам общественной взаимопомощи». Инструкция конкретизировала возможности пополнения фондов и обозначила его пути: государственные поступления, отчисления при товарообмене, самообложение продовольствием и денежными средствами. Размер самообложения должен был определить сельский сход.

ККОВы создавались в Адыгее в условиях голода и катастрофического ухудшения материального положения, вызванного гражданской войной. Историк М. А. Меретуков писал¹, что убыток, причиненный гражданской войной, составил 2 029 500 рублей, в среднем каждое хозяйство потеряло 1353 рубля. Практически вдвое сократились посевные площади — в 1920 г. они составили 50 тыс. десятин, тогда как в 1913 г. 110 тыс., а в 1916 г. — 105 тыс. Пострадало и животноводство — в 1920 г. в Адыгее наполовину снизилось производство скота: количество рабочих лошадей уменьшилось на 67%, верховых — на 89%, овец и коз — на 43%².

Летом 1921 г. Горский исполком издал обращение о создании крестьянских комитетов общественной взаимопомощи: «Взаимопомощь есть долг перед Республикой, наша обязанность друг перед другом. ...изгоняя нужду из своих селений путем взаимопомощи, члены общества оберегают и себя самих и свое имущество от покушений на него со стороны преступного, худого»³. Вопрос о финансировании обществ рекомендовалось решить на сельских сходах: «...население... может обложить всех односельчан небольшим налогом, деньгами или продуктами, не обременительным для каждого, производить сборы пожертвований, брать небольшой процент с торговли»⁴. В заключение говорилось о том, что выбирать в комитеты следует «только тех, кого уважаете и кому доверяетесь»⁵.

В Адыгее Областной крестьянский комитет общественной взаимопомощи (ОблККОВ) и его отделения в районах, селах и аулах создаются в 1922–1923 гг. В черкесских аулах ККОВы были слабыми организациями, прекращали свою работу уже при зарождении и существовали только на бумаге⁶, часто циркуляры из областного центра в аулы уничтожались без исполнения или оставались непрочитанными из-за отсутствия грамотных сотрудников⁷.

¹ Меретуков М. А. Борьба трудящихся Адыгеи за восстановление народного хозяйства (1921–1925 гг.): сборник статей по истории Адыгеи. Советский период. Майкоп, 1967. С. 73.

² Там же.

³ ГУ НАРА. Ф. Р-466. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ ХДНИ НАРА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

⁷ Отчет о деятельности Областного Исполнительного комитета и его отделов с 1 октября 1923 по 1 октября 1924. Краснодар, 1924. С. 33.

В начале существования ККОВов ушир-закят, «которым удовлетворяется самое нуждающееся население»¹, стал рассматриваться как потенциальный источник формирования их фондов. Формирование фондов ККОВов ложилось тяжестью на обедневшее крестьянство, население воспринимало ККОВы как комитеты бедноты, характерные для периода продразверстки, а процесс самообложения — как побо-ры². Тем более что самообложение для ККОВов не исключало единого натурального налога, который был введен согласно декрету ВЦИК и СНК «О едином натуральном налоге на продукты сельского хозяйства на 1922–1923 гг.». С июня 1923 г. по решению Пленума Адыгейского облисполкома устанавливалось соотношение между натуральной (70%) и денежной (30%) долями сельхозналога³.

Отчисления ушир-закята в ККОВы носило принудительный характер, фонды комитетов расходовались не на помощь нуждающимся, а на жалованья сотрудникам, и только небольшие выплаты доставались беднейшим крестьянам⁴. Беднейшее адыгское крестьянство вообще не понимало смысла вновь созданной структуры, поскольку после сбора урожая рассчитывало на ушир-закят. «При новом, более благоприятном урожае и удачном сборе (зачата) комитеты потеряли всякий смысл своего существования, потому что бедные будут удовлетворены с осенних из зачата на весь год и голодных, таким образом, не будет в аулах», — говорилось в докладе областного собеса за сентябрь-октябрь 1922 г.⁵ В некоторых аулах на общих собраниях выносили постановления о ликвидации комитетов взаимопомощи⁶.

Период 1921–1923 гг. для ККОВов в Адыгее был организационным — состоялись два съезда комитетов: окружной — в Фарсском округе и объединенный съезд Псекупского и Ширванского округов в Краснодаре. На съездах заслушивали отчеты с мест, вопросы организации и изыскания средств для окружных ККОВов. На объединенном съезде отмечалось, что «население и местные власти встречали организацию ККОВов по области недоверчиво, а иногда враждебно»⁷. По статистике областного собеса Адыгеи, в ведении которого находились ККОВы, к маю 1923 г. в Адыгее работало 42 комитета (по данным других документов — 44), из которых 70%, согласно советской отчетности, реально не работали, 20% работали плохо и 10% «работали сносно, да и то с большими упущениями»⁸.

¹ ХДНИ НАРА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 81. Л. 37.

² Отчет о деятельности Областного Исполнительного комитета... С. 32.

³ *Емтыль Р. Х.* Социально-экономическое и культурное развитие адыгейского аула (1920-е годы). Майкоп, 2003. С. 33.

⁴ ХДНИ НАРА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 91. Л. 96.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Д. 6. Л. 15 об.

⁷ ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 4. Л. 219.

⁸ ХДНИ НАРА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 6. Л. 14.

В 1924 г. в Адыгее было создано 63 ККОВа, они охватили 90 тыс. человек; приблизительно 40–50 тысяч человек (т. е. 20% населения Адыгеи) в ККОВы не вступило¹. В крестьянские комитеты общественной взаимопомощи в аулах Адыгеи в самом начале их работы, в 1923–1924 гг., как правило, входили эфенди, выбираемые на общих собраниях граждан². В адыгейских аулах эфенди вместе с кулаками составляли приблизительно 5% членов ККОВов³, статистика по другим социальным группам распределялась следующим образом: бедняков — 50%, средняков — 45%⁴.

При организации ККОВов и их финансирования в Адыгее, в том числе при перенаправлении в них ушир-закята, местные партийные власти анализировали опыт Кабардино-Балкарии, где муллы не только принимали участие в создании ККОВов, но и ставились во главе. В 1922 г., как указывает историк З. Соблирова, председателем областного ККОВ Кабардино-Балкарии стал мулла А. Абуков, 51 ККОВ возглавили муллы⁵. Муллы входили в состав президиума комитетов в мусульманских селах, им же поручалось собирать ушир-закят. Полномочия мулл в ККОВах Кабардино-Балкарии не ограничивались контролем за поступлением ушир-закята, муллы рассматривали вопросы, отнесенные в Адыгее к ведению мулл в народных судах 1921–1923 гг. и закрепленные Правилами о Горском народном суде, а именно дела о расторжения браков и наследовании имущества.

В 1925–1926 гг. поступления от ушир-закята достигали в Кабарде более 400 тыс. рублей, что составляло почти половину всего местного годового бюджета этого региона⁶. Опыт Кабардино-Балкарии положительно оценил У. Алиев, работавший в разное время в Наркомнаце и возглавлявший Национальный Совет Северо-Кавказского крайисполкома: «Если надо для правоверного мусульманина, желающего исполнить “зекат” (1/10 урожая или 1/40 скота), пожертвовать, то было бы полезно и хорошо порекомендовать ему пожертвовать именно в КОВы, как это, например, делается в Кабарде, где, по сообщению т. Калмыкова, на эти суммы приобретены КОВами несколько десятков тракторов и в один год образован фонд в несколько сот тысяч руб.»⁷. Известный

¹ ГУ НАРА. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 129. Л. 44 об.; ХДНИ НАРА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 91. Л. 96.

² Там же. Д. 55. Л. 1; Д. 64. Л. 11; Д. 68. Л. 2 и др.

³ ХДНИ НАРА. Ф-1. Оп. 1. Д. 91. Л. 97.

⁴ Там же.

⁵ Соблирова З. Х. Комитеты крестьянской общественной взаимопомощи в социально-экономической истории Кабардино-Балкарии (1922–1929 гг.). Дис...канд. ист. наук. Нальчик, 2016. С. 90–91.

⁶ Алиев У. Кара-Халк («Карахалк» — черный народ): очерк исторического развития горцев Северного Кавказа и чужеземного влияния на них ислама, царизма и пр. Ростов-н/Д., 1927. С. 79.

⁷ Алиев У. Карачай (Карачаевская автономная область): историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Черкесск, 1991. С. 154–155.

юрист 1920-х гг. А. М. Ладыженский также обратил внимание на назначение мулл главами ККОВов в Кабардино-Балкарии, рассматривая это как прецедент функционирования шариата в советской государственной и правовой системе 20-х годов: «КОВ стал чем-то вроде “управления вакуфами”, а затем, когда кабардинцы привыкли вносить отчисления в ККОВы, их управление было преобразовано в советское»¹.

Несмотря на настойчивые и неоднократные указания облисполкома Адыгеи и областного ККОВа, население упорно не хотело вносить ушир-закят в крестьянские комитеты взаимопомощи², обычно это делалось в принудительном порядке. Именно из-за наличия ушир-закята система ККОВов в Адыгее, по мнению властей, не выстраивалась; ушир-закят назывался в отчетных документах среди главных препятствий работе ККОВов³, определялся как особенность «национального и бытового характера», не позволяющая осуществить организацию ККОВов⁴.

В публичном дискурсе местной власти ушир-закят именовался «благотворительным делом частного характера»⁵, принципиально отличным от новой практики взаимопомощи через ККОВы («организация ККОВов ничего общего с ушир-закятом не имеет»⁶, — повторялось из документа в документ). Однако данным высказываниям противоречила реальная практика перенаправления ушир-закята: областные партийные и советские органы предписывали, чтобы аульные советы «добивались использования фонда ушир-закята на нужды общественной взаимопомощи через ККОВы». Местные власти призывали чрезвычайно осторожно подходить к вопросам использования ушир-закята, не пренебрегали переговорами с мусульманским духовенством⁷.

Ситуация стала меняться с восстановлением и стабилизацией сельского хозяйства, созданием социально-бытовой инфраструктуры в деревне к 1924 г. Вопросы работы в деревне были в центре внимания XIII съезда РКП(б) (май 1924 г.). Съезд в резолюции «О работе в деревне» задал направление, по которому «комитеты взаимопомощи... должны стать организацией, помогающей хозяйственно подняться мало-мощным элементам деревни»⁸. Съезд принял решение о реорганизации

¹ Ладыженский А. М. Адагы горцев Северного Кавказа. Ростов-н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. С. 55.

² ГУ НАРА. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 94а. Л. 21.

³ Там же. Д. 129. Л. 44 об.

⁴ Там же. Д. 110. Л. 104 об.

⁵ Там же. Д. 129. Л. 44 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Д. 91. Л. 96. В ауле Адамий в сентябре 1924 г. состоялось объединенное собрание комитета взаимопомощи, представителей областного ККОВа с участием эфенди Мишеоста Набокова и Магомета Цеева. Собрание постановило приобрести фордзон на средства ККОВа аула Адамий и ушир-закята, чтобы вспахать участки бедняков и общественные запашки.

⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). Т. III: 1924–1927. 8-е изд. М., 1970. С. 80.

ККОВов в крестьянские общества взаимопомощи (КОВ), 25 сентября 1924 г. был принят декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Положение о крестьянских обществах взаимопомощи», подробно определивший цели, характер деятельности, формы помощи населению со стороны КОВов, права и обязанности комитетов¹.

Задачи крестьянских комитетов теперь выходили за первоначально поставленные рамки: на них ложились не только трудовая, денежная, правовая помощь социально незащищенным слоям деревни, но и решение социальных (борьба с беспризорностью, нищенством, проституцией и пьянством) и экономических задач (содействие развитию кооперации), участие в распределении правительственных субсидий и частных пожертвований, лоббирование интересов малоимущих граждан через их выдвижение на советские и кооперативные посты, распространение сельскохозяйственных и общественных знаний. КОВ получил право юридического лица и позиционировался как орган, стимулирующий развитие инициативы на местах за счет внутренних ресурсов крестьянства. Декрет усиливал партийное руководство комитетами, за счет чего предполагалось совместить крестьянскую самоорганизацию и государственное регулирование. «Данное Положение создавало юридическую базу для мобилизации органов взаимопомощи на выполнение решений XIII съезда РКП(б), определившего задачи комитетов КОВ по насаждению в деревне этатизированной кооперации и форм коллективизированного быта крестьян»².

По новому Положению КОВы охватывали абсолютное большинство взрослых, достигших 18 лет членов сельского общества, было создано так называемое добровольно-коллективное членство. Фонды КОВов формировались за счет единовременного членского взноса при вступлении в Комитет, а затем периодических взносов в денежной и натуральной форме; денежных и натуральных средств, отчисляемых органами соцобеспечения и другими ведомствами и организациями; безхозного, выморочного и конфискованного по суду имущества; доходов от арендных предприятий и общественной запашки; добровольных пожертвований, как денежных, так и натуральных, а также случайных поступлений³.

Высшим руководящим органом КОВа являлось общее собрание граждан аула, которое собиралось раз в три месяца. Собрание избирало комитет — исполнительный орган, имело право дифференцированно

¹ Положение и инструкция о крестьянских обществах взаимопомощи и инструкция о порядке ведения делопроизводства и счетоводства в ККОВ. М., 1926.

² Григорьев В. С. Организация общественной взаимопомощи российского крестьянства, 1921–1941 гг. С. 29.

³ Положение и инструкция о крестьянских обществах взаимопомощи и инструкция о порядке ведения делопроизводства и счетоводства в ККОВ. С. 8.

устанавливать размер, порядок и сроки взносов в зависимости от количества земли, скота, состава семьи (числа работников).

В Адыгее с развитием нового направления были внесены коррективы в работу КОВов¹. Осенью 1924 г. было проведено районирование КОВов, соответствующее новому районированию Адыгейской автономной области, в результате которого были учреждены районные КОВы, жестко привязанные к райисполкомам. Основным источником формирования фондов стали, в отличие от прежних самообложений, общественные запашки. Областной КОВ отказался от помощи маломощным хозяйствам путем мелких денежных и продуктовых выдач, практикуя это только в виде исключения. Все свободные средства были направлены на механизацию бедняцких хозяйств как на «единственный способ поддержания и восстановления маломощного крестьянства»². В 1924–1925 гг. Облсобес Адыгеи из утвержденных на механизацию 15 521 руб. местного бюджета более половины — 9060 руб. — планировал израсходовать на покупку сельхозинвентаря³.

Через месяц после введения нового Положения вопрос о шариатских сборах (ушир-закяте) рассматривался на заседании Оргбюро обкома РКП(б) Адыгеи. Как следует из протокола заседания, на Областном совещании секретарей комячеек в октябре 1924 г. была принята резолюция о работе ККОВов в Адыгее, отдельный пункт которой посвящен ушир-закяту. Выявить резолюцию в архивах не удалось. Известно, что на заседании Оргбюро Адыгейского обкома РКП (б) член Оргбюро Сеннов выступил с «особым мнением» по пункту об ушир-закяте: «Высказываясь решительно против сбора ушир-закята, считать вполне возможным использовать ушир-закят на приобретение форт-зон, молотилок и прочего инвентаря для ККОВов». Он же добивался легитимизации со стороны духовенства практики передачи закята ККОВам, настаивая, чтобы вопрос об использовании ушир-закята «проводился через аульские собрания при наличии согласия со стороны местного мусульманского духовенства»⁴.

Проблема ушир-закята обсуждалась на всех уровнях ККОВов, от аульского до районного и областного. Не было ни одного отчета о работе ККОВов, где власти не стремились бы заявить о принципиально новой практике взаимопомощи, отличной от предписанной в Коране. В тезисах о работе ККОВов в Адыгее в 1924 г., подготовленных Адыгейским областным ККОВом, подчеркивалось: «ККОВы преследуют

¹ Несмотря на преобразование ККОВа в КОВ, отчетная документация в Адыгее сохранила прежнее наименование.

² Отчет о деятельности Областного Исполнительного комитета и его отделов с 1 октября 1923 по 1 октября 1924. С. 33.

³ Там же. С. 34.

⁴ ХДНИ НАРА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 91. Л. 103.

цели оказания помощи населению приобретением для общества сельскохозяйственных орудий, хорошего посевного материала, племенного скота и т. д., тогда как ушир-закят занимается благотворительными делами частного характера»¹. Эта идея в завершённом виде прозвучала на I Областном съезде ККОВов Адыгеи в марте 1925 г.: «Совершенно не приходится смешивать ушир-закят с взаимопомощью. У нас подачек быть не может, все должны работать, а не надеяться на содержание извне»².

Ситуация с субсидированием ККОВов за счет шариатских сборов в целом воспринималась и населением, и служителями культа неоднозначно. Обедневшее население, на плечи которого ложились разного рода налоги и «добровольные платежи» (выплата сельхозналога, самообложение, страховые займы и взносы, государственные займы), с трудом собирало закят и не понимало назначения вновь созданной структуры в условиях существования у адыгов развитых традиций взаимопомощи³.

Духовные лица рассматривали необходимость направления закята в КОВ как посягательство на свои обязанности, компетенции и функции по организации шариатских сборов и их распределению⁴. В докладе о работе ККОВа аула Пшизов на краевом съезде комитетов общественной взаимопомощи 1925 г. отмечалось: «Хаджи и эфенди, которые получали от сбора “ушир-закята” много пользы, увидели, что с созданием ККОВа эта статья дохода от них уходит... и они всеми силами старались доказать гражданам, что ККОВ — это хитрость соввласти, чтобы отнять у черкеса его богатство, что если черкесы пойдут в ККОВ, то этим они нарушают Коран, религию и т. п.»⁵.

Особая стилистика характерна для отчетов о работе и перевыборах районных ККОВов 1924–1925 гг. В них часто употребляются фразы с негативной эмоциональной окраской — «духовенство злилось»⁶, «относится к ККОВам недружелюбно»⁷, «не хотели создания ККОВов»⁸, «отчаянно сопротивлялось»⁹ и т. д., что характеризует отношение служителей культа к происходящим процессам и отношение представителей советской власти к духовенству как к социальной страте, препятствующей советским преобразованиям.

¹ ГУ НАРА. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 129. Л. 44 об.

² Там же. Д. 30. Л. 21.

³ ХДНИ НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 91. Л. 96.

⁴ ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 282. Л. 54–54 об.

⁵ Там же. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 55. Л. 36.

⁶ Там же. Д. 109. Л. 16.

⁷ Там же. Д. 107. Л. 45.

⁸ Там же. Д. 121. Л. 27 об.

⁹ Там же. Д. 112. Л. 85.

О том, насколько существенным виделось влияние духовенства на ККОВы, свидетельствует следующий факт. Для районных комитетов взаимопомощи из области спускался стандартный план, по которому составлялась отчетность¹. План структурно делился на три части — организационная работа, материальные средства «в области народного хозяйства», культурно-просветительская работа. Были специальные пункты, касающиеся позиции духовенства («ведет ли духовенство разрушительную работу») и источников финансирования ККОВов.

Не удалось обнаружить документ или группу документов, которые бы содержали развернутую аргументацию причин неприятия духовенством Адыгеи новой практики передачи ушир-закята в ККОВы. Единственным документом, содержащим подробности, является стенограмма IV Дискуссионного съезда мусульманского духовенства и верующих Адыгеи в декабре 1925 г. Съезд довершил раскол духовенства на «прогрессивное» и «реакционное», который поддерживался советской властью по всей стране еще с 1922 г. и последовательно осуществлялся в Адыгее через съезды духовенства и мусульман в 1922–1925 гг.

Вопрос об ушир-закяте был вынесен в отдельный пункт повестки. На основании отчета ОГПУ за октябрь 1925 г. известно, что ушир-закят не сдавался «избранным для этого комиссиям, тогда как в прошлом году при урожае, намного худшем, к концу октября сбор был закончен»².

По-видимому, партийные и советские органы, курирующие съезд, собравший самых авторитетных и образованных служителей культа Адыгеи, планировали, что будет вынесена резолюция о передаче ушир-закята ККОВам. Однако обсуждение вопроса пошло по непредвиденному сценарию. С самого начала участники съезда выражали недовольство тем, что шариатские сборы приходится вносить вместе с единым сельхозналогом. В ответ на недовольство верующих выплатой шариатских сборов наряду с госналогом, эфенди-«прогрессист» Д. Хатков уточнил, что если земля обрабатывается с применением наемной силы, то это не избавляет крестьянина от выплаты и закята, и госналога.

Обсуждение началось с речи Ибрагима Бекуха, эфенди аула Шенджий. И. Бекух обратил внимание на случаи присвоения духовенством шариатских сборов и их нецелевое использование, а именно на содержание депутатов самого съезда, на устройство школ-медресе. Бекух, ссылаясь на Сунну, призвал делегатов съезда вернуться к практике, когда «“ушир” и “закят” главным образом должны собираться для нужд народа... и в первую очередь отдаваться нищим, инвалидам и сиротам»³.

¹ ГУ НАРА. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 107. Л. 255.

² Обзор политического состояния СССР за октябрь 1925 г. (по данным ОГПУ) // «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2002. Т. 3. Ч. 2. С. 639.

³ Дискуссионный съезд мусульманского духовенства и верующих Адыгейско-Черкесской автономной области. Краснодар, 1925. С. 21.

Поскольку дискуссия на съезде выходила за очерченные рамки, в президиум «своевременно» поступила записка, призванная вернуть обсуждение в заданное русло — в записке предлагалось передать ушир-закят в ККОВы. Записку предварила реплика крестьянина Чатиба Чубита, предложившего половину собранного в 1925 г. ушир-закята направить в Крестьянский комитет взаимопомощи¹.

Однако съезд отклонил («мы воздерживаемся») идею передачи ушир-закята ККОВам, сославшись на указание Корана, что ушир-закят распределяется только в пределах территории, на которой он был собран, тогда как местные ККОВы передавали свои поступления областному ККОВу. По итогам съезда был составлен отчет местного ОГПУ, в котором разъяснения «прогрессивного духовенства» о том, что ни ушир-закят, ни какие-либо другие сборы не должны практиковаться вообще, так как «по Корану закят добровольным порядком передается бедным, вдовам и сиротам без посредства духовенства», характеризуются как способствующие нежеланию населения отдавать зерно муллам².

В Адыгее в условиях непопулярности ККОВов власти пытались играть со словами и смыслами, символически приближая ККОВы к местному населению — на заседании Оргбюро РКП(б) член бюро Мельников предложил переименовать Комитет взаимопомощи в Областной комитет крестьянской и черкесской общественной взаимопомощи³, и предложение было поддержано. Аналогичная тенденция наблюдалась на всем Кавказе — в июне 1925 г. Северокавказский крайком РКП(б) принял решение о переименовании краевого комитета КОВ в краевой комитет крестьянской, казачьей и горской взаимопомощи.

Непопулярности ККОВов и нежеланию населения вносить шариятские сборы способствовали и недостатки в их работе, отмеченные на Пленуме Адыгейского обкома ВКП(б) в 1926 г.: бесхозяйственность, халатность, нерациональное использование тракторов, бездействующих 8–9 месяцев в году, небрежное отношение к технике; нерациональное использование земли и скота, находящихся в распоряжении ККОВов. Нуждающееся население не всегда получало от ККОВов помощь — средства разбазаривались через выдачу мелких пособий, не было работы по оказанию трудовой помощи, комитеты увлеклись кредитными операциями ради большого процента, что дискредитировало саму идею общественной взаимопомощи. Наконец, репутацию ККОВов подрывали случаи должностных преступлений сотрудников⁴.

¹ Дискуссионный съезд мусульманского духовенства и верующих Адыгейско-Черкесской автономной области. С. 22.

² Там же.

³ ХДНИ НАРА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 130. Л. 165.

⁴ Там же. Д. 182. Л. 87 об. — 88.

На территории Адыгеи Северо-Кавказский крайком ВКП(б), контролировавший передачу «шариатских сборов» ККОВаМ в Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской и Чеченской автономных областях¹, пытался применить опыт Кабардино-Балкарии, где муллы, как уже было сказано, возглавляли ККОВы и где собранный ушир-закят передавался им вплоть до 1930 г.² Адыгейский обком ВКП(б) неоднократно и настойчиво писал в край, что применение практики КБАО в Адыгее нецелесообразно³: по поручению Бюро обкома ВКП(б) Адыгеи председатель Адыгейского облисполкома Ш. Хакурате и сотрудник облисполкома Д. Цей направили в крайком ВКП(б) письмо (в архиве оно отсутствует) «о нераспространении на Адыгею опыта Кабарды»⁴.

Можно только предполагать, как определяли местные власти специфику Адыгеи и в чем видели угрозу распространения на область опыта КБАО. Возможно, как нам представляется, власти считали, что в данное время духовенство Адыгеи уже проявляет определенную политическую и социальную активность, а именно через съезды духовенства приспосабливается к новой реальности, корректирует свои отношения с верующими и властью, пытаясь модернизировать мечеть и публично объявляя о непротиворечивости некоторых положений шариата и идей советской власти о равенстве, необходимости образования, взаимопомощи и т. д. В случае привлечения мулл как посредников при передаче закята ККОВаМ у них появятся дополнительные инструменты влияния на верующих, что в корне противоречило долговременным установкам на борьбу с религией и ее изживание.

К середине 1920-х гг. положение изменилось. Восстановление сельской экономики привело к появлению тезиса об обострении классовой борьбы в деревне и «кулацкой опасности». М. Кудюкина в своей статье приводит цитату из докладной записки Ф. Э. Держинского в Политбюро ЦК РКП (б) в 1924 г.: крестьянство «приобрело способность к ясному пониманию и учету своих интересов, сознательной постановке вытекающих отсюда задач и к резкой критике экономических мероприятий соввласти»⁵.

Со второй половины 1920-х гг. меняется стилистика партийных и советских документов, касающихся проблематики ушир-закята. Вопрос о передаче ушир-закята ККОВаМ выходит из компетенций местных советских и партийных органов, начинается системная кампания

¹ 16 октября 1924 г. Юго-Восточная область была переименована в Северо-Кавказский край, включивший 11 округов и четыре автономные области — Адыгейскую, Карачаево-Черкесскую, Кабардино-Балкарскую и Чеченскую.

² ГУ НАРА. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 113. Л. 83–84.

³ ХДНИ НАРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 181а. Л. 43, 69.

⁴ Там же. Д. 199. Л. 233 об.

⁵ Кудюкина М. Крестьянство и власть в 1920-е годы. . [Электронный ресурс] // URL: <https://www.civisbook.ru/files/File/Kudyukina.pdf> (дата обращения: 09.01.2018).

по передаче ушир-закята ККОВам. К передаче закята ККОВам подключается ОГПУ Адыгеи. В конце июня 1926 г. начальник ОГПУ Адыгеи П. Б. Мурат докладывал на заседании бюро обкома ВКП(б) «о ходе кампании по ушир-закяту»¹. Мурат положительно оценил работу по передаче шариатских сборов, подчеркнув, что в 27 аулах, т. е. в половине аулов ААО, она дала положительный результат. Однако в некоторых аулах — Уляп, Блечепсин, Гатлукай — «товарищами были допущены ошибки», которые привели к отрицательным результатам. Мурат призывал к осторожности, строгому учету обстановки и настроения², а также «не форсировать работу в местах, где отсутствует гарантия успеха и встречаются элементы сопротивления».

Отчетность о передаче закята ККОВам в Адыгее поступала в краевые органы власти и выглядела несколько по-другому. В «Общем обзоре крестьянских обществ взаимопомощи на Северном Кавказе с апреля 1925 по октябрь 1926 гг.» указывается, что в Кабардино-Балкарии, частично Адыгее, Чеченской и Карачаевской автономных областях закят поступает в распоряжение КОВов, пополняя их фонды³. В Адыгее, говорится в «Обзоре», так же как и в Кабарде и Черкесии, закят распределялся непосредственно из мечети при непосредственном участии духовенства, в отличие от других регионов Северного Кавказа — Чечни, Ингушетии, Карачая и частично Осетии и Балкарии, где мусульмане платили закят непосредственно нуждающемуся человеку или родственнику⁴. Однако местные документы свидетельствуют о том, что ситуация не была столь однозначной и по состоянию на 1 октября 1927 г. в Адыгее в ККОВы еще не поступало шариатских сборов из всех аулов⁵.

Таким образом, в первой половине 1920-х гг. в Адыгее была предпринята попытка передачи ушир-закята ККОВам. Она была организована в административном порядке. В тех аулах, где ушир-закят передавался населением непосредственно ККОВам, социально-экономические позиции духовенства были существенно ослаблены: оно было выведено из цепочки «сбор–распределение» ушир-закята, что способствовало оттоку социально незащищенного населения из-под его влияния и напрямую затрагивало его экономические интересы, лишая эфенди одного из постоянных источников существования. Передача ушир-закята комитетам взаимопомощи была не столько средством пополнения их фондов, сколько инструментом ограничения влияния духовенства и средством подрыва его экономического благополучия.

¹ ХДНИ НАРА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 234. Л. 133 об.

² Там же.

³ ГУ НАРА. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 113. Л. 83–84.

⁴ Кундухов М. О закяте и некоторых других формах поборов духовенства в нацобластях // Революция и горец. 1929. № 7–8. С. 41.

⁵ ГУ НАРА. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 121. Л. 71 об.

Невыплата закята ККОВам может быть охарактеризована как скрытая форма протеста против антирелигиозной политики государства и коллективизации.

На всем протяжении анализируемой кампании акцент делался на экономической составляющей ушир-закята, его передача ККОВам рассматривалась как ликвидация экономической зависимости бедноты от духовенства, ушир-закят трактовался как «непредвиденный» доход духовенства. Тем самым выхолащивался духовный смысл одного из «столпов ислама», предписывающего помогать бедным и нуждающимся.

В конце 20-х гг. внимание власти к ушир-закяту не ослабевает, к его передаче ККОВам подключается ОГПУ Адыгеи. Этот период заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку тема ушир-закята в условиях перехода к сплошной коллективизации деревни вплетается теперь не только в проблематику изживания религии, но и в разработку тезиса о разрастании классовой борьбы в деревне и политической ставке на бедноту. В конце 1920-х гг. комитеты крестьянской общественной взаимопомощи становятся кассами взаимопомощи, и вопрос о передаче ушир-закята ККОВам оказывается исчерпанным.

Список сокращений

ГУ НАРА — Государственное учреждение «Национальный архив Республики Адыгея».

ХДНИ НАРА — Хранилище документов новейшей истории Национального архива Республики Адыгея.

Неопубликованные источники

ГУ НАРА. Ф. Р-1. Адыгейский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет.

ГУ НАРА. Ф. Р-466. Горский отдельский совет рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов и его исполнительный комитет.

ГУ НАРА. Ф. Р-459. Адыгейский областной Комитет крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВ). (1923–1930 гг.).

ХДНИ НАРА. Ф. П-1. Адыгейский обком ВКП (б).

Литература

Алиев У. Карачай (Карачаевская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Черкесск, 1991. 320 с.

Бгажноков Б. Х. Адыгская этика. Нальчик: Эль-фа, 1999. 96 с.

Григорьев В. С. Организация общественной взаимопомощи российского крестьянства, 1921–1941 гг.: дисс ... докт. Ист. наук. М., 1997. 530 с.

Дискуссионный съезд мусульманского духовенства и верующих Адыгейско-Черкесской автономной области. Краснодар, 1925. 60 с. (Отчет о постановлении 4-го областного дискуссионного съезда, а. Адамий, дек. 1925 г.). Майкоп, 1926.

Емтыль Р. Х. Социально-экономическое и культурное развитие адыгейского аула (1920-е годы). Майкоп, 2003. 132 с.

Ислам: энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 315 с.

Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. 396 с.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). Т. III. 8-е изд. М., 1970. 552 с.

Кубов Ч. Ч. Исторический опыт партийного строительства в национальных автономиях Северного Кавказа в переходный период к социализму (1920 — июнь 1941 г.). Майкоп: Краснодар. кн. изд-во, Адыг. отд-ние, 1990. 462 с.

Кундухов М. О закяте и некоторых других формах поборов духовенства в нацобластях // Революция и горец. 1929. № 7–8. С. 30–41.

Ладыженский А. М. Адагы горцев Северного Кавказа. Ростов-н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. 219 с.

Аутлев М. Г., Меретуков М. А., Малых С. Н. Сборник статей по истории Адыгеи. Советский период. Майкоп, 1967. 409 с.

Мекулов Д. Х. Советы Адыгеи в социалистическом строительстве, 1922–1937 гг. Майкоп: Краснодар. кн. изд-во, Адыг. отд-ние, 1989. 155 с.

Отчет о деятельности Областного исполнительного комитета и его отделов с 1 октября 1823 по 1 октября 1924 г. Краснодар, 1924. 77 с.

Положение и инструкция о крестьянских обществах взаимопомощи и инструкция о порядке ведения делопроизводства и счетоводства в ККОВ. М., 1926. 79 с.

Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа, вторая половина XIX — XX в. М.: Наука, 1983. 264 с.

Соблирова З. Х. Комитеты крестьянской общественной взаимопомощи в социально-экономической истории Кабардино-Балкарии (1922–1929 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2016. 214 с.

«Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М.: ИРИ РАН [и др.], 2002. Т. 3. Ч. 2. 966 с.

Abbreviations

GU NARA — State Institution National Archive of the Republic of Adygea
HDNI NARA — Documentary Store of Recent History National Archive
of the Republic of Adygea

References

Unpublished Sources

GU NARA. F.R-1. *Adygejskij oblastnoj Sovet narodnyh deputatov i ego ispolnitel'nyj komitet* [Adyghe Regional Council of People's Deputies and its Executive Committee].

GU NARA. F. R-466. *Gorskij otdel'skij sovet rabochih, krest'yanskih, krasnoarmejskih deputatov i ego ispolnitel'nyj komitet* [Gorsky Otdelskij Council of Workers, Peasants, Red Army Deputies and its Executive Committee].

GU NARA. F. R-459. *Adygejskij oblastnoj Komitet krest'yanskoj obshchestvennoj vzaimopomoshchi (KKOV). (1923–1930gg).* [Adyghe Regional Committee of Peasant Public Mutual Assistance (1923–1930)].

HDNI NARA. F. P-1. *Adygejskij obkom VKP (b)* [Adyghe Regional Committee Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks)].

Secondary Literature

Aliev U. (1991). *Karachaj (Karachaevskaya avtonomnaya oblast')*. *Istoriko-ehnologicheskij i kul'turno-ehkonomicheskij ocherk*. [Karachay (Karachai Autonomous Region). Historical and Ethnological and Cultural-Economic Essay]. Cherkessk. 320 p.

Bgazhnokov B. H. (1999). *Adygskaya ehtika*. [The Adyg Ethic]. Nal'chik: Ehl'-fa. 96 p.

Grigor'ev V. S. (1997). *Organizaciya obshchestvennoj vzaimopomoshchi rossijskogo krest'yanstva, 1921–1941 gg.* [Organization of Mutual Assistance of the Russian Peasantry, 1921–1941]. Diss...dokt. ist.nauk. Moscow. 530 p.

Diskussionnyj s'ezd musul'manskogo duhovenstva i veruyushchih Adygejsko-Cherkesskoj avtonomnoj oblasti. (1925). [Discussion Congress of the Muslim Clergy and Believers of the Adyghe-Cherkess Autonomous Region]. Krasnodar. 60 p.

Emtyl' R.H. (2003). *Social'no-ehkonomicheskoe i kul'turnoe razvitie adygejskogo aula (1920-e gody)*. [Socio-Economic and Cultural Development of the Adygeya aul (1920s).] Majkop. 132 p.

Islam. Enciklopedicheskij slovar'. (1991). [Islam. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury. 315 p.

Islamskij ehnciklopedicheskij slovar' A. Ali-zade. (2007). [Islamic Encyclopedic Dictionary]. Ansar. 396 p.

Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK (1898–1971). (1970). [The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1971)]. Vol. III. Izd. 8. Moscow. 552 p.

Kubov Ch. Ch. (1990). *Istoricheskij opyt partijnogo stroitel'stva v nacional'nyh avtonomiyah Severnogo Kavkaza v perekhodnyj period k socializmu (1920 – iyun' 1941 g.)* [Historical Experience of Party Building in the National Autonomies of the North Caucasus during the Transition Period to Socialism (1920 – June 1941)]. Majkop: Krasnodar. kn. izd-vo: Adyg. otd-nie. 462 p.

Kunduhov M. (1929). O zakyate i nekotoryh drugih formah poborov duhovenstva v nacoblastyah. [About zakat and some other Forms of the Extermination of Clergy in National Regions]. *Revolyuciya i gorec.* № 7–8. Rostov-na-Donu. Pp. 30–41.

Ladyzhenskij A. M. (2003). *Adaty kavkazskih gorcev.* [Adats of the Caucasian Highlanders]. Rostov-na-Donu: Izd-vo SKNC VSh. 205 p.

Meretukov M. A. (1967). Bor'ba trudyashchihsya Adygei za vosstanovlenie narodnogo hozyajstva (1921–1925 gg.). [The Struggle of the Working People of Adygea for the Restoration of the National Economy (1921–1925)]. *Sbornik statej po istorii Adygei. Sovetskij period.* Majkop.

Mekulov D. H. (1989). *Sovety Adygei v socialisticheskom stroitel'stve, 1922–1937 gg.* [Soviets of Adygea in Socialist Construction, 1922–1937]. Majkop: Krasnodar. kn. izd-vo: Adyg. otd-nie. 155 p.

Otchet o deyatel'nosti Oblastnogo Iсполnitel'nogo komiteta i ego otdelov s 1 oktyabrya 1923 po 1 oktyabrya 1924. (1924). [Report on the Activities of the Regional Executive Committee and its Departments from October 1, 1923 to October 1, 1924]. Krasnodar. 77 p.

Polozhenie i instrukciya o krest'yanskih obshchestvah vzaimopomoshchi i instrukciya o poryadke vedeniya deloproizvodstva i schetovodstva v KKOv. (1926). [Regulations and Instruction on Peasant Mutual Aid Societies and Instruction on the Procedure for Conducting Office Work and Accounting in the PCPMA]. Moscow. 79 p.

Smirnova Ya. S. (1983). *Sem'ya i semejnyj byt narodov Severnogo Kavkaza, vtoraya polovina XIX–XX v.* [Family and Family Life of the Peoples of the North Caucasus (the Second Half of the XIXth – XXth)]. Moscow: Nauka. 264p.

Soblirova Z. H. (2016). *Komitety krest'yanskoj obshchestvennoj vzaimopomoshchi v social'no-ehkonomicheskoj istorii Kabardino-Balkarii (1922–1929 gg.).* [Committees of Peasant Social Mutual Aid in the Socio-Economic History of Kabardino-Balkaria (1922–1929)]. Diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Nal'chik. 214 p.

«Sovershenno sekretno». *Lubyanka — Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg)*. (2002). [“Top secret”. *Lubyanka to Stalin about the Situation in the Country (1922–1934)*] Moscow: In-t Rossijskoj istorii Rossijskoj akad. nauk [i dr.]. Vol. 3. Part 2. 966 p.

From the History of Russia's Muslims

THE SOVIET SHARI'A. USHIR-ZAKYAT IN THE SYSTEM OF SOCIAL PROTECTION IN THE FIRST HALF OF 1920S (CASE OF ADYGEYA)

Naima A. NEFLYASHEVA,
Cand. Sci. (Hist.), associate professor,
senior researcher, Center for
Civilizational and Regional Studies,
Institute for African Studies, Russian
Academy of Studies
(30/1, Spiridonovka Str., Moscow,
123001, Russian Federation).
E-mail: innef@mail.ru

Abstract. The article deals with the practice of transferring the Ushir-Zakat to peasant committees of public mutual assistance in Adygea in the first half of the 1920s. The author analyzes the new Soviet practice in the context of the formation of the state system of social mutual assistance, as well as changes in the social status of the Muslim clergy in the 1920s. The author outlines the reasons for the unpopularity of peasant

community mutual assistance committees among the Adygs, as well as the reasons for the rejection of new practices by the Muslim clergy. It is emphasized that the transfer of Ushir-zakat was not so much a means of replenishing the funds of mutual aid committees, but rather a tool for limiting the influence of the clergy.

Non-payment of zakat is characterized as a hidden form of protest against the anti-religious policy of the state and collectivization. Throughout the campaign for the transfer of the Ushir-Zakat to KKOv, the emphasis was on the economic component of the Ushir, its transfer to KKOv was seen as the liquidation of the economic dependence of the poor from the clergy, thereby emasculating the spiritual meaning of one of the “pillars of Islam” that prescribes to help the poor and needy.

Keywords: Islam, North Caucasus, Adygeya, Sharia, Revolution, Ushir-Zakat.

